

Дискуссионный клуб

Вариации на тему «любви по-русски»* (или «Кто виноват и что делать»)

© М.Г.Завельский, 1999

В четвертом номере нашего журнала за 1998 г. была опубликована статья член-корр. РАН Р.И.Хасбулатова «Гибель империи или уход из цивилизации?» Теперь мы предоставляем вниманию наших читателей отклик на эту статью профессора М.Г.Завельского

Статья Р.Хасбулатова (Хасбулатов, 1998), посвященная анализу причин социально-экономического состояния и оценке перспектив России, крайне пессимистична. Автор не усматривает для страны иного будущего, кроме ухода из цивилизации либо распада. Конечно, чувства, обусловившие такой настрой автора, понятны. Но вот восприятие им и истоков, и возможностей разрешения нынешней ситуации, по-моему, нуждается в анализе.

Каков анализ – таков диагноз

Неожиданным, по признанию Р.Хасбулатова, стал для него и «почти для всех» распад СССР. Главной причиной этой трагедии ему кажется «управленческий кризис, несостоятельность руководящего звена» по знаниям, опыту, природному уму, ответственности перед обществом, порядочности и т.п. Такая характеристика – явный перекося, хотя и мало болезненный для

* В статье использованы результаты исследований, выполненных при финансовой поддержке РФФИ (проект 97-06-80049).

предпринятого в (Хасбулатов, 1998) анализа. А вот убежденность насчет решающей роли этого в случившемся, да еще «за год-полтора», как и всеобщей «слепоты», – залог несостоятельности этого анализа.

Допустим, в 60-70-е встреч с такими публикациями соотечественников, как, скажем, очерк А.Амальрика «Доживет ли СССР до 1984 года?», Р.Хасбулатов миновал. Но мог ли не видеть постепенного идейного, морального, интеллектуального, делового разложения коммунистической партии – единственной силы, политически скреплявшей «империю»? Именно десятилетия этого и подготовили ее крах вопреки предположению Ленина, который, касаясь проблемы автономизации и рассчитывая на эту силу, о региональной самостоятельности рассуждал почти так же (Ленин, 1990), как на излете его затеи, в иной обстановке, Ельцин.

Усердно лила воду на ту же мельницу колониалистская экономическая политика государства, в результате которой хозяйство ряда национальных республик и большинства искони российских провинций приобрело однобокую специализацию на заготовках сырья и (или) его переработке в производствах, мало доходных либо далеких от трудовых традиций и наклонностей постоянных жителей, причем обычно промежуточной, некомплектной и качественно ущербной конечной продукции. Потому-то столь тяжка нынешняя ситуация во многих бывших краях СССР, а в самой России регионов-«доноров» кот наплакал.

Следствием этого стала глубочайшая территориальная дифференциация условий быта и хозяйства. С возрождением легитимного рынка она резко усилила естественные экономические трения между

субъектами федерации и в их отношениях с центром, тем более, что в пространственном аспекте возобладала пагубная для многих регионов концепция «хозрасчета», которая гласила: каждый из них должен жить на то, что зарабатывается трудом местного населения. При этом о «помощи» слабым забыто не было, но избранный для неё инструмент – «централизованный фонд регионального развития и поддержки» – к тому времени уже продемонстрировал свои первые горькие плоды в Югославии. Власти не признали главного для страны в межрегиональных экономических отношениях. Это главное заключено в следующем. Почти век хозяйственные предпочтения многих регионов приносились в жертву «общественному интересу». Потому-то они и попали в незавидное положение (с малопривлекательными условиями для развития бизнеса, выгодного жителям, и финансовой базой, недостаточной как для стимулирования этого, так и для самостоятельного решения социальных задач). Но именно благодаря таким жертвам во имя общего экономического роста (а с середины 70-х годов ради сдерживания спада всего хозяйства) оказалось возможным преимущественное насаждение высокодоходных производств в других регионах, где в сравнении с «потерпевшими» условия жизни становились все лучше, а обстоятельства хозяйства – все приятательней. Так что в этот единый «успех» жители бедствующих местностей, помимо результатов прямого участия, всегда вносили иной, вполне определенный, окольный вклад – свою упущенную выгоду, которая делалась достоянием других, а те, якобы, от щедрот своих оказывали им «братскую помощь».

Подобная «благотворительность» раз-вращала «дающих», которые укреплялись в убеждении, будто за свой счет, «урывая от себя последнее», кормят кого-то, но никогда не удовлетворяла «берущих», поскольку по размерам далеко не компенсировала упущенную ими выгоду и направлялась в основном на поддержку личного потребления, а не на повышение их хозяйственной конкурентоспособности. Тем самым они лишались возможности обрести достойное место среди других, экономически и социально интегрироваться в общность народов страны, и принуждались искать такое возмещение в обход закона, нередко прибегая к криминальным средствам.

Яркая иллюстрация этого – достопамятное «хлопковое дело». Оно типично: если покопаться, таких «дел» можно было обнаружить тогда немерено – и «бараньих», и «рисовых», и «текстильных», и даже «алмазных». Но в историю «влип» именно Узбекистан, кстати, после того, как в 1968 г. центр, напуганный «Пражской весной», отказал руководству республики в праве проведения легального эксперимента по коммерческим отношениям с союзными министерствами. А ведь она была выставочным «земным раем», на примере которого власти СССР пытались убедить мир, особенно третий, в успехах своей национальной политики. Вот-де и самолеты строят, и химию осваивают, и гигантские электростанции возводят в этой еще недавно глухомани.

Умалчивалось только, что, по данным СОПСа Узбекской ССР, население городоностроек и персонал современных предприятий республики почти сплошь «заезжие казачки», которых в год туда прибывало тысяч по пятьдесят. Это странно совпадало с

мощностью местной базы профессиональной подготовки, услугами которой не могло воспользоваться большинство из 250 тысяч аборигенов, достигавших трудоспособного возраста. Не находя работы по душе и с достойным вознаграждением, они были вынуждены в страду вместе с тремя четвертями коренного населения от зари до зари гнуть спину «на хлопке», а в остальное время бить баклуши, «ширяясь» в духанах родины или шныряя по базарам России.

Для таких людей, как и их братьев по беде из других закоулков «империи», её крушение вовсе не стало громом среди ясного неба: многие мечтали об этом, а кое-кто активно пытался превратить мечту в быль. Находясь на высоком государственном посту, Р.Хасбулатов мог бы найти уйму подтверждений тому в архивах ЦК КПСС и КГБ. Но ни сам он, ни прочие критики «младореформаторов», ни сами реформаторы, видимо, никогда не задумывались о действительных свойствах и последствиях этой политики, зачавшей распад Союза, а во многом и разгул экономической преступности, и тот накал страстей, который сегодня делает иные региональные конфликты в России непримиримыми.

А ведь, и одно, и другое, и третье можно было предотвратить, если вовремя избавиться от идеологии прошлого в этой области – признать двойственность вклада каждого субъекта федерации в её экономические достижения, соответственно этому организуй территориальное перераспределение национального дохода и его использование, в целом разработку и реализацию хозяйственной политики государства. Нужный механизм, не вымышленный, а выявленный в самой жизни да очищенный от ржи и плесени подполья, не раз предлагалось легализовать

еще в 60-80-е годы (Проблемы и методы, 1968); (Завельский, 1987).

Тогда эти предложения удостоились лишь ругани от самого «компетентного» в хозяйстве руководящего органа страны – союзного Госплана. Такая реакция была предсказуема. Но как понять невосприимчивость к ним властей уже новой России, отсутствие серьезного интереса к теме со стороны её парламента? Или наши законодатели поймут, что считать, будто без Беловежского застолья история продолжала бы плестись Верхне-Чегемской дорогой, – пагубное для России недомыслие, или так и будут искать спасительную комбинацию из трех слов, пока страна не отправится вслед за СССР.

Слепые поводыри

Никак не отделаться от впечатления, что «дискуссия» Р.Хасбулатова с «младореформаторами» в сущности сводится к их обвинению в слабых переводах с английского, плохом усвоении уроков западных консультантов и неважном знании международного экономического опыта (Хасбулатов, 1998, с.110). Однако вопрос сложнее.

Рыночные отношения у нас, спуртовавшие в конце XIX века, не выдохлись и после «великого перелома». Просочившись сквозь щели репрессивного механизма, они претерпели дифракцию и стали уже в каче-

стве «теневой экономики» распространяться вширь подобно кругам на воде от брошенного в общество «камня» коммерции, охватывая все слои населения, в том числе служителей щита, меча и закона. Правда, в большинстве люди вовлекались в такую экономику по необходимости выжить среди мора и глада, лишь немногие – по собственной воле, осознавая её как стремление к накоплению капитала, а вместе с тем приобщаясь к психологии, этике, мыслительным конструкциям, правилам производственного и потребительского поведения, которые диктуются рыночным хозяйством и поддерживают его.

Здесь не место анализировать этот процесс, подробно рассмотренный мною, например, в (Завельский, 1990). Важны его результаты, с которыми Россия подошла к моменту, когда сами её верховные властители осознали, что без открытого, на законных основаниях преобразования хозяйства в рыночное, но «социально ориентируемое», прежним способом бразды правления не удержать, а тогда неизбежна расплата за плоды тоталитаризма, и потому инициировали события, названные «Перестройкой». Отмечу лишь *главные из таких результатов*, проявившиеся на фоне обретения хозяйством страны уникальной структуры (Яременко, 1981), которая препятствовала назревшим реформам и не могла быть изменена в сжатые сроки*, что сулило за-

*) Так, «военные расходы», искаженно отражавшиеся в госбюджете, по моим расчетам в неопубликованной работе 1980 г. «Экономика и общество: третий путь», приблизились к 50% национального дохода, лишь около 5% инвестиций в машиностроение и 20% продукции легкой промышленности доставались гражданскому сектору, конверсия же требовала сначала внешнеполитических маневров, которые бы сделали её возможной по показаниям национальной безопасности, а также – длительного времени по технологическим и социальным причинам.

тяжную переходную эпоху с ужесточенными потребительскими тяготами.

- Экспансия теневой экономики достигла критических масштабов. Она проникла практически во все сферы, организации, государственные учреждения и, по моему расчету (Завельский, 1990), имела выручку, превышавшую 40% учтенного национального дохода. При этом официальное хозяйство, и без того разьедаемое невиданной милитаризацией и монополизацией, оказалось обескровленным настолько, что успехи немногих «передовых» предприятий все менее компенсировали несостоятельность подавляющего большинства и на смену падению темпов роста примерно с 1976-77 гг. пришло постепенно ускорявшееся свертывание общественного воспроизводства в нетто-исчислении – за вычетом теневого сектора и пущенных на ветер «нефтедолларов».

- Эта экономика выделила слой «акул», которые, превратившись в рантье, формировали свои «охранные структуры», активно прибирали к рукам массу вовлеченных в неё тружеников – наемных работников и предпринимателей, организующих их хозяйственную деятельность (согласно опубликованному тогда мнению экспертов, в масштабах СССР – от 40 до 50 млн. человек), и нелегитимно насаждали корпоративную частную собственность, поглощавшую все больше хозяйственных ресурсов. В начале 80-х годов один из руководителей союзного Госплана на проходившем там совещании сообщил оценку (по-моему, вдвое заниженную), что теневая экономика «съедает» порядка 10% материально-технических средств страны. К 1992 году, по приватной информации, только в Москве действовали уже 4 неле-

гальных банка, наличные активы которых были соизмеримы с годовым бюджетом столицы.

- Все большая утрата политической элитой материального фундамента благополучия и ограниченность дальнейшего роста теневого капитала недостатком властных возможностей у носителей его движения подтолкнули их к быстро прогрессивавшему сращиванию, причем официальная юриспруденция, столпы которой, увязшие в коррупции, сплошь и рядом замыкали зловещий треугольник «пахан – партбосс – прокурор», молчаливо признавала за таким союзом регулирующее верховенство по праву «вора в законе». Этот процесс, едва ли не повсеместно охвативший низовой и средний уровни госпартаппарата, уже вовсю распространялся далее, и власть реальная, на самом деле, стремительно отделялась от функции её представительства.

- Население России, подвергшееся вивисекции и геноциду, в подавляющем большинстве из-за гнетущих последствий духовного и интеллектуального оскопления не обладало психологическими, этическими, деловыми качествами социальной опоры цивилизованных рыночных отношений, которые должны были осваиваться на фоне таких неизбежных проявлений переходной эпохи, как спад и финансовый голод экономики, высокая инфляция, сокращение гарантированной занятости и реальных доходов, рост социального расслоения. К тому же многие россияне сохраняли старинную приверженность общинной собственности (по мысли Прудона, и не его одного, более пригодной для применения в жизни, чем абсолютное «dominium» римлян (Туган-Барановский, 1918, с.196), а госаппа-

рат, чуждый гражданскому долгу и почтению к закону как мотивам поведения, без экономической заинтересованности не мог служить надежным приводным ремнем задуманных наверху реформ.

Все это подсказывало, что залог успеха предстоявших действий не просто в грамотном следовании где-то и когда-то уже апробированным решениям, но, прежде всего, в учете их принципиальной обреченности на неудачу при отсутствии механизмов реализации, соответствующих особым условиям России. Порочность организации реформ в ней, исходя из восприятия экономики как бездушной железяки, которая повсюду одинакова, для зрячего была очевидной. Но не углядели этого ни западные консультанты, ни их российские подмастерья. Году в 1990-м мне пришлось быть активным свидетелем беспечной, можно сказать, неадекватной реакции одних на предостережение касательно специфики страны и молчаливого поддакивания им со стороны других (многие из которых впоследствии, видимо, благодаря этому и стали членами кабинета «реформаторов»).

Ну, а чем же лучше позиция Р.Хасбулатова? Тем, что он считал необходимым сперва придумать для страны какую-то экономическую модель, к которой «мы стремимся»? Или, быть может, Р.Хасбулатов отличился тем, что во всеуслышание известил россиян об ожидавших их невероятных испытаниях, чтобы никто не питал иллюзий насчет рая поутру? Ничуть не бывало. Но зато он убеждал Ельцина не подвергать риску денационализации те самые наши единственно конкурентоспособные предприятия, первоочередная разумная приватизация которых помогла бы разжиться ресурсами для санации других

прежде, чем передавать их в частные руки (Хасбулатов, 1998, с.110). Так и «реформаторы» взяли да окунули с ходу, без всякой подготовки массу (а не единицы наперечет, как «железная леда», политику которой приняли за образец) именно таких, слабых, беспомощных, убыточных, не умеющих плавать, в океан свободного предпринимательства – с плеч долой, из бюджета вон!

Плоды всего этого для народа страны известны: сгоревшие сбережения, рост безработицы и нищеты, утрата пробудившихся надежд. А в таких ситуациях только и принято гадать на Руси – кто виноват? И многие валят все на Гайдара с компанией. Но уж если, по личному признанию законодателя тех лет, «Верховному Совету и его аппарату, вместе с большим числом наших ученых-консультантов, приходилось фактически выполнять работу правительства» (Хасбулатов, 1998, с.112), то, получается, и спрос-то совсем не с тех! Одно сказать, эти поводыри друг друга достойны. Требовалась совсем иная организация дела, которая и была предложена (Завельский, 1992), но не удостоилась внимания никого из них.

Власть и профессионализм

Государству, какое сегодня в России, с «угасающими функциями», утверждает Р.Хасбулатов, «вообще не нужны авторитетные и самостоятельные ученые, в том числе и экономисты» (Хасбулатов, 1998, с.113). Но государство – это команда людей, уполномоченных обществом, среди прочего, координировать его хозяйство. Подобно остальным людям, они имеют собственные интересы, которые, как правило, и блюдут прежде всего, а заодно, если

идет на пользу им, лоббируют иные. Того ли не знать человеку, собаку съевшему в делах Верховного Совета РФ?

Такова реальность, и её не изменить увещеваниями, как «должно бы быть», тем более отдающими двойным стандартом. И функции свои государство у нас исполняет, но посредством не только официальных отношений, да во многом не с той ориентацией, что предпочтительна доверителю. И научных авторитетов власть пользуется, хотя, как и прежде, обычно лишь тех, кому по душе соучаствовать в этом, кого сама назначает «большими учеными» и уболажает.

Немалый личный опыт общения с теми, кто попадал на службу в госаппарат, прежде проявив самостоятельность специалиста и снискав определенный авторитет именно в профессиональном окружении, убедил меня, что крайне редки исключения из правила их почти мгновенной трансформации в упертых чиновников, орудующих лишь ушами да языком и не видящих дальше собственного носа. Случайно ли это? Нет, они адаптировались к среде, чтобы выжить на новом поприще.

Менять-то нужно как раз эту среду, механизм ответственности властных структур перед доверителями, не рассчитывая на слом укоренившейся в поведении служащих госаппарата привычки, извлекать личную выгоду при отправлении должностных функций. Надо, чтобы сама его деятельность стала селекционером, обеспечивающим естественный отбор менеджеров, наиболее талантливых по критерию полезности результатов их работы для общества, оцениваемых самим обществом, но не «кадровиками» из Кремля или с Охотного ряда.

Главное, что для этого требуется, во-первых, превратить разработку хозяйственной политики государства в формирование свода экономически ответственных обязательств органов управления разных уровней и Центробанка друг перед другом, бизнесом и населением, а во-вторых, жестко увязать изменения оплаты и статуса их работников с выполнением принимаемых обязательств и динамикой подведомственных бюджетов. Как воплотить в жизнь то и другое, давно не секрет (Завельский, 1992).

Если это удастся сделать, то рост фонда оплаты любого госучреждения, занятого регулированием экономики, станет неопровержимым признаком проведения им хозяйственной политики, при которой ресурсы «подведомственных» объектов употребляются с достаточной пользой для всех заинтересованных сторон, а стагнация или уменьшение этого фонда – недвусмысленным свидетельством неудовлетворительного служебного соответствия персонала и банкротства руководителей, что следует рассматривать как юридическое основание их неотвратимой ротации.

«Вливания», которые могли бы корумпировать чиновников, никак не улучшат эту официальную объективную оценку их деятельности, а потому не уберегут их от расплаты за встречные услуги самым дорогим – социальным статусом. Тогда-то, как правило, лишится состоятельности упоминаемая Р.Хасбулатовым формула экономического успеха в нынешней России («Власть – Деньги – Власть – опять Деньги») и не только «олигархи» останутся у разбитого корыта, но также нынешние консультанты чиновного люда, обрекая себя при его банкротстве на весьма опасное возмездие, будут вынуждены со-

измерять свои амбиции с ответственностью перед клиентами и, не исключено, что, осознав её накладность, подумают о переквалификации.

Госаппарату же при этом окажется выгодным самому проявлять заботу о сокращении своей численности, избавлении от людей сомнительного толка, привлечении не званых, но избранных – профессионалов без страха и упрёка. Этому помогут востребованность их знаний, возможности сполна реализовать деловые задатки в опоре на адекватные властные полномочия и в ладу с законом получать доходы, не меньшие, чем иначе – рискуя состоянием, репутацией и свободой, – а к тому же растущие беспредельно, в зависимости лишь от пользы, приносимой обществу отправлением служебных функций.

Чиновники обретут заинтересованность в ужесточении рыночной конкуренции и нейтрализации ради этого инструментов зажима крупной частной собственностью её потенциальных соперников, в действенной поддержке малого и среднего бизнеса, оздоровления и модернизации существующих немощных фирм (Завельский, 1998, [1]). Тогда только и станет реальным «высококвалифицированное, тщательное государственное регулирование» корпораций, исключаящее вырождение хозяйства в «ущербную, хаотическую, с высокой степенью теневой деятельности, неравновесную экономику, имеющую тенденцию к деиндустриализации» (Хасбулатов, 1998, с.114), заработают механизмы состязательности и приватизированные предприятия начнут оправдывать наши радужные надежды.

В плену предрассудков

Пожалуй, самыми «мелковатыми», по излюбленному выражению Р.Хасбулатова, лишенными научной базы и зашоренными от жизни являются его рассуждения о «социальной составляющей» рыночной экономики, «феодализации» государственного устройства России, внешней политике её руководства. Здесь он похож на человека, который потерянные неизвестно где ключи ищет у столба с фонарем, потому что там светлее. И фонарь этот особый.

«Социальная составляющая» современной рыночной экономики видится Р.Хасбулатову лишь как такие «элементы плановых начал и социальной политики», заимствованные Западом у Советов в порядке «адекватного реагирования на ход глобальной межсистемной конкуренции в форме соревнования двух мировых систем», которые «с уходом с исторической сцены мировой социалистической системы как глобального конкурентного фактора» могут испариться (Хасбулатов, 1998, с.116).

Однако «соединение усилий государства и частного предпринимательства для улучшения социально-экономического положения наемных работников» у нас имело место еще до 1917 г., когда «общественные фонды», превышавшие 6% национального дохода, потреблялись исключительно пролетариями, а финансировались Морозовыми, Путиловыми, Рябушинскими... (Струмилин, 1960). На Западе такие «элементы» появились благодаря все большей гуманизации производства и управления им (Завельский, 1998, [2]), вовсе не свойственной происходившему в СССР. И стимулируется она изменением собственной смысловой

действительности (Ясперс, 1994), а не нуждой одолеть кого-то.

Социальная политика на Западе уже давно реализуется в формах (от патисипативного управления фирмами, «народных предприятий», соучастия наемных работников в прибылях до программ и систем типа американских ESOP, «Рабочие места и основные профессии», «Медикэр», «СНИПЗ» и пр. (Макконнелл, Брю, 1993; Скотт Синк, 1989), которые, не в пример нашему «собесу», взаимосвязанно решают большинство проблем защиты населения и общества от пороков коммерциализации жизни. Такие формы нам лишь предстоит осваивать, и этому вовсе не помешает, но, напротив, поможет участие в российской промышленности иностранного капитала, привычного к ним, ибо их истоки – внутри предприятий.

Разумеется, по части эффективности бизнеса у нас можно многого достичь и иначе – просто-напросто закручивая административные и экономические гайки производственной дисциплины, которые вконец разболтались. Естественно, для иностранца-предпринимателя большой соблазн в России тем и ограничиться. Но так случится, лишь если наш госаппарат позволит – не приложит усилий к тому, чтобы российский наемный работник по требованиям к характеру, содержанию, условиям труда вышел на уровень западного: ведь, каков этот работник, таково и обращение с ним.

Нужно улучшать общее образование и профессиональную подготовку трудящихся, добиваться большей доступности услуг, расширяющих круг интересов, наращивать помощь этим людям в отстаивании их прав перед нанимателями и т.п. Обеспечить

должное участие государства во всем этом как раз и способны упомянутые новшества в разработке его хозяйственной политики и вознаграждении аппарата.

А как насчет «элементов плановых начал»? Из намечавшегося в масштабах народного хозяйства у нас вовремя не было выполнено почти ничего: все подобные «директивы» подгонялись под действительные, гораздо более скромные итоги по ходу дела, иногда прямо на отчетных Пленумах ЦК ВКП(б) или КПСС. Такие планы, оторванные от реальных возможностей и не прозревающие будущего, напоминали филькины грамоты. Могли ли они полагаться образцами при озабоченности именно экономическим прогрессом, а не созданием иллюзий?

Нам всегда было и есть, что перенимать у государств, самостоятельно освоивших такие принципы, формы, технологии регулирования хозяйства, при которых намечаемое оказывается сбалансированным по ресурсам, близким к оптимуму для всех исполнителей и реализуемым при отсутствии директивности. Но чтобы такая задача стала по зубам нашему госаппарату, он должен основательно обновиться не на вкус любителей «живых шахмат», а путем естественного отбора в соответственно измененных условиях оплаты и ротации.

Р.Хасбулатов, по моему мнению, явно переоценивает результаты «эффективной и целенаправленной деятельности Верховного Совета, разработавшего Федеративный договор» (Хасбулатов, 1998, с.117). Тот лишь как местный наркоз на время «заморозил» импульс к отделению, будучи не в состоянии предотвратить его скорое «оттаивание» и лишенное шансов на удачу болезненное, без всякой анестезии «хирурги-

ческое» противостояние ему, потому что не предусматривал главного. Речь опять же о таком механизме перераспределения и использования национального дохода, который бы обеспечивал согласование экономических интересов «субъектов федерации» друг с другом и с Центром, совмещая их представления о предпочтительной хозяйственной политике государства.

Более того, подобный механизм вообще невозможно применить для регулирования межрегиональных экономических отношений при «разумном», по словам Р.Хасбулатова, «балансе», который декларирован договором. Поэтому утверждение, будто с его инкорпорированием в российскую конституцию был завершён «первый, главный этап становления действительной федерации» (Хасбулатов, 1998, с.117), никаких оснований под собой не имеет.

Будь это иначе, как при внедрении упомянутого механизма, субъекты федерации не пожелали бы расширять свои полномочия сверх адекватных ему, ибо тогда пострадали бы не просто права Центра, но их собственные экономические интересы, а Кремлю оказались бы не по карману и такие уступки, и льготы кому угодно из побочных соображений. Притупились бы и иные проблемы, о которых пишет Р.Хасбулатов (неэффективная приватизация и недостаток средств для деятельности государства, «республиканский сепаратизм» и местный «регионализм» (Хасбулатов, 1998, с.118-120)). И в том, что этого не произошло, руководимый им Белый дом повинен не меньше других.

Отстраненностью от реалий жизни поражают вопросы типа «Какой был смысл «распускать» СЭВ?» или «Почему роспуск Варшавского пакта не был обусловлен жиз-

ненно необходимыми соглашениями с США и их союзниками?». Да потому, что народы союзных нам государств не желали даже на минуту задерживаться в лагере, хоть переименуй его в пионерский, и обновить «разбегание» могли лишь танки. Но это была бы уже не «перестройка», а «перестрелка».

Что же до интересов большинства бывших участников СЭВ, то вряд ли им отвечало и дальше весь пар национального интеллекта, трудолюбия, предпринимательства пускать в свисток, обретаясь в экономических и научно-производственных связях преимущественно с теми, кто, как и они, на многие десятилетия отстали от стран, передовых в области технологии, организации, продуктивности хозяйства. Только теснейшее сотрудничество с этими странами, предполагающее переход на их стандарты, обещало ликвидацию образовавшегося разрыва.

Р.Хасбулатов апеллирует к иному мнению, звучавшему, как он утверждает, из кругов интеллигенции нынешних новоселов НАТО, даже ссылается на вопрос, заданный ему «многоопытным и мудрым Александром Дубчеком»: «не пойдёт ли Россия на интенсификацию связей с бывшими членами СЭВ?». Но известно, что бывает интеллигенция и «интеллигенция». Одна принимает на себя основные тяготы своего народа, а другая, по А.И.Солженицыну – «образованщина», стремится за отдельную плату к особому корыту. Так откуда же те голоса? А Дубчек и впрямь был многоопытен: он-то знал, что такое по-советски – интенсификация связей с «братскими странами»; вот, видать, и поинтересовался, не стоит ли снова остеречь своих земляков от резвости в реформах. А слу-

чись это, где бы сегодня оказалась экономика Чехии? С нашей да украинской по миру побиралась!

«Воссоединение Германии, – пишет автор (Хасбулатов, 1998), – не только не принесло соответствующую финансово-экономическую пользу, а наоборот, повлекло огромные расходы, деградацию армии, моральные страдания и национальное унижение». Разве многие миллиарды марок – не польза? Другое дело – их растащили, списав на легальные расходы, «профессионалы» госуправления с лампасами и при бабочках. Но без управления упомянутой реформы иначе и быть не могло. И не немцев, не Горбачева с Ельциным вина в раздутости нашей армии до размеров, сделавших неизбежными страдания военнослужащих при необходимости быстрее поднять хозяйство. Разлагаться же она стала много раньше и недавние «малые войны», действительно унизившие нас, думаю, были, среди прочего, столь же дурными попытками остановить деградацию армии, какой явилось бы противодействие этому воссоединению.

Чувство меры порой изменяет Р.Хасбулатову, казалось бы, весьма искушенному в международных делах, когда он, имея в виду консолидацию России с Украиной и Белоруссией, пишет о наличии «всех, абсолютно всех факторов, способствующих достижению долгосрочных объединительных целей» (Хасбулатов, 1998, с.121). Так то – долгосрочных! Если бы так было с ближайшей перспективой! И загвоздка отнюдь не только в болезненном «крымском узле» на территории одной или сомнительных политических пристрастиях руководства другой, но в чрезвычайно сильных текущих различиях экономических систем сторон

по состоянию, а главное – по механизмам, направлениям и темпам проводимых преобразований, как бы ни относиться к тем или иным их вариантам.

Тему обреченности нашего государства на развал Р.Хасбулатов нагнетает всякими политическими подозрениями – от реализации в Чечне сценария, будто бы написанного заинтересованными в Кавказе иностранными державами, до, якобы, пока скрывааемых намерений лидеров других республик, областей, краев растащить Россию (Хасбулатов, 1998, с.121-122). И что же предлагается, чтобы отвести угрозу гибели или превращения страны «в конгломерат небольших полугосударственных образований с нищим населением, низким уровнем производительных сил и промышленного развития, деградировавшей культурой, искусством и наукой» (Хасбулатов, 1998, с.123)? Р.Хасбулатов призывает отстаивать миропорядок, закрепленный Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями, Сан-Францисским мирным договором, никому не давая усомниться в их нерушимости. Воссоединение Германии аннулировать, что ли? «Территориальные проблемы» выскрести у японцев из головы? Независимость Латвии, Литвы, Эстонии – забыть?

И все это в то время, когда государственности России на самом деле серьезно угрожают не чьи-то козни, но пустые карманы: у нас нет финансовых ресурсов, чтобы устранить деформацию собственной денежной системы (без чего преодолеть кризис вряд ли удастся), а на такой почве, регулируя экономический рост с помощью обновленного механизма формирования хозяйственной политики, перераспределения и использования национального дохода,

уладить межрегиональные противоречия и крепить территориальную целостность страны.

Чрезвычайная эмиссия и подаяния из мировой мощны при наших обстоятельствах сегодня – иллюзорные возможности справиться с ситуацией. Но это достижимо иначе – если отринуть политические предрассудки и обратиться к свету здравого смысла. Тогда обнаружится, что есть средства, которым такая задача посильна: сдать желающим государствам в долгосрочную аренду плохообжитые окраинные территории (например, Курилы и т.п.), не исключено, иногда с правом последующего выкупа; распродать весомую часть заграничного казенного имущества России; пригласить цивилизованных чужеземцев вложиться в транснациональные корпорации на базе предприятий нашего ВПК с их решающим участием новейшими разработками, ноу-хау и квалифицированными кадрами. А эффективно воспользоваться этими средствами можно, лишь прибегнув к связанным сделкам, которые заинтересовали бы партнеров в осуществлении того, что им предлагается, на обоюдовыгодных условиях, зарубежным же кредиторам (заждавшимся возврата нами долгов) – не чинить препятствий (Завельский, 1998, [1]).

Перспективы наши печальны, если наблюдаемые социально-экономические тенденции сохранятся. Однако, как говаривал в свое время граф Витте, «положение России блестяще, но не безнадежно». Ее руководство способно не допустить трагической развязки, решительно противопоставив стенаниям об ущербе великодержавию, которые чужды интересам народа, политическую волю, адекватную трезвой оценке ситуации. При этом названные средства поз-

волят экономической активности властей, которая требуется в переходную эпоху, обрести необходимую финансовую базу, не нанося вреда ни здравствующим российским предпринимателям и потребителям, ни их потомкам.

* *
*

Конечно, выбраться из нынешней западни России удастся лишь при комплексной реализации всего предлагаемого, исключая главный порок выводов Р.Хасбулатова – отсутствие системности в подходах к различным проблемам общественной жизни. Это – обычно для наших государственных деятелей, и отставных, и действующих. Яркое свидетельство – их попытки найти наилучшее решение каждой проблемы самой по себе, без учета её порою совсем не очевидных прямых и обратных связей с другими. В таких случаях ожидаемые локальные эффекты, как правило, не усиливаются, но взаимно погашаются, часто обращаясь в противоположность. Отсюда великий урон для страны и непреходящая актуальность замечательного девиза: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!».

ЛИТЕРАТУРА

- Блази Д.Р., Круз Д.Л.* Новые собственники. Пер. с англ., М.: ДЕЛО Лтд, 1995.
- Завельский М.Г.* Альтернатива. // Экономика и математ. методы. 1992. Т.28. Вып.5-6.

Завельский М.Г. Между Сциллой и Харидой (об антикризисной программе). // Экономическая наука современной России, 1998, №4. [1].

Завельский М.Г. Институциональные изменения и экономическое развитие. // Экономика и математ. методы. 1998. Т.34. Вып.2. [2].

Завельский М.Г. Регион в системе народнохозяйственного планирования. // Известия АН СССР. Серия экономическая, 1987, №3.

Завельский М.Г. Теневая экономика: враг, друг...? / Через тернии. Пролог. Что дальше? – М.: Прогресс, 1990.

Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об автономизации. // Архив Троцкого. Т.1. М.: Терра, 1990.

Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. Пер. с англ., М.: Республика, 1993.

Проблемы и методы оптимального территориально-производственного планирования народного хозяйства. Под ред. М.Г.Завельского. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1968.

Скотт Синк Д. Управление производительностью. М.: Прогресс, 1989.

Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М.: Соцэкгиз, 1960.

Туган-Барановский М. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. М.: Изд. ВЦСПО, 1918.

Хасбулатов Р. Россия: уход из цивилизации или распад? // Экономическая наука современной России. М.: 1998, №4.

Яременко Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике. – М.: Мысль, 1981.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем., М.: Республика, 1994.